

Нин Цюянь поднял телефон, пытаясь поймать сигнал в комнате.

Он вставал на кровать, забирался на подоконник. Затем обходил коридор, столовую, гостиную и передний двор. Значок сети неизменно оставался перечеркнут восклицательным знаком. Интернет появлялся лишь на миг, и единственным доступным развлечением вновь оставалась офлайн-игра в три-в-ряд. Когда он спросил у Дяди Кана о связи на острове, тот очень любезно посоветовал попробовать поискать сигнал у озера, но при этом напомнил соблюдать осторожность.

У Нин Цюяня остались неприятные воспоминания об озере, но спустя два часа он не выдержал искушения и, взяв телефон, направился через лес.

Впервые выйдя из дома днем, он шел не спеша, оставляя глубокие следы на снегу и превратившись в крошечную движущуюся точку посреди леса.

— Хороший, послушный ребенок, — бросил Доктор Лин. — Выглядит таким милым, глаза как у щенка, и не скажешь, что на руке татуировка. Говорит, в память о матери, довольно симпатичная.

Гуань Хэн стоял у окна, глядя вниз. Плотные шторы были приоткрыты, и полоска дневного света падала на пол, не доходя до него около фута. В глазах Гуань Хэна отражался снег за окном.

— У него есть еще одна, за мочкой правого уха, — произнес он.

Доктор Лин удивился:

— Еще и за ухом?

Точка в лесу споткнулась, но быстро поднялась, поправила шапку и пошла дальше, выглядя немного неуклюже из-за труднопроходимой дороги.

Гуань Хэн задернул штору и равнодушно добавил:

— В форме сердечка, совсем маленькая.

Доктор Лин усмехнулся. В комнате снова стало темно. Люстра отбрасывала на пол высокую, безмолвную тень Гуань Хэна. Он подошел к столу, взял маленький флакончик с прозрачной жидкостью — всего несколько миллилитров. Посмотрев на него, он тут же отставил флакон в сторону:

— Забери это с собой.

— Если бы ситуация не была такой серьезной... — Доктор Лин перестал улыбаться. — Подобные меры не всегда идут им на пользу. По-моему, каждому стоит быть осмотрительнее.

Гуань Хэн не стал отвечать. После короткого молчания он спросил:

— Время почти вышло?

Доктор Лин взглянул на часы:

— Остался примерно час. Как вы себя чувствуете?

— Никаких особенных ощущений, — ответил Гуань Хэн.

— Встреча в апреле, — сказал Доктор Лин. — Через месяц Сяо Нин снова приедет. — Он замаялся, прежде чем спросить: — Не хотите подумать о том, чтобы он остался жить на острове? У нас отличные ресурсы, мы не останемся в долгу.

Гуань Хэн, чьи черные волосы струились, словно водопад, сохранял невозмутимый вид:

— Пока что до этого не дошло.

У озера Нин Цюянь тоже не нашел сигнала. Ему пришла в голову мысль: а вдруг интернет ловит только в комнате Гуань Хэна? Впрочем, он тут же отбросил эту догадку — если бы сеть была только там, то в помещениях прямо под этой комнатой сигнал тоже должен был быть. Нин Цюянь был крайне разочарован. Лишить молодого человека интернета — все равно что лишить его души. Офлайн-игра больше не приносила удовольствия.

К счастью, вид на озеро был прекрасен. Если не считать того, что он едва не свалился в воду, при воспоминании о чем до сих пор пробежал холодок, придраться было не к чему. Озеро сковало льдом, лодки застряли посреди водной глади. Причал был укрыт белым снегом, а вокруг высились пихты.

Нин Цюянь вернулся в комнату за гитарой и снова пошел к причалу. Раненная рука почти не болела. Он решил просто поиграть — лучше иметь хоть какое-то занятие, чем просто убивать время. В телефоне сохранилась та самая мелодия, которую он слушал в автобусе по пути на Остров Ду. Он прокрутил её несколько раз, а затем попробовал подобрать ноты. В окружении такой красоты и в полном одиночестве дело пошло легко, и вскоре он уже уверенно исполнял мелодию. Но как только у него возникло желание выучить что-то еще, он внезапно остановился.

Практика оборвалась. Нин Цюянь долго сидел неподвижно. Лишь когда руки и ноги онемели от холода, он взял футляр и вернулся в комнату, где снова долго просидел, глядя в пустоту и даже не притрагиваясь к игре.

Больше до самого отъезда он Гуань Хэна не видел.

В понедельник утром, еще до рассвета, Нин Цюянь встал, собрался и пришел в столовую. На кухне для него приготовили овсянку и сэндвичи. Он съел всё до последней крошки. Больше всего в Острове Ду его радовала еда: каждое блюдо было особенным и невероятно вкусным, и, казалось, травма кухонного работника никак не отразилась на работе кухни.

Дядя Кан провожал его лично. Когда они добрались до причала, небо снова начало сыпать мелким снегом. В предрассветных сумерках белая лодка, стоявшая у пирса, казалась лишь неясным светлым силуэтом. Ветра не было, лодка не покачивалась на волнах. На палубе стоял человек — должно быть, Дядюшка Пин.

Перед тем как подняться на борт, Нин Цюянь вдруг что-то вспомнил:

— Дедушка Кан!

Он достал из кармана пальто теплый футляр от наушников и сказал:

— Это наушники Господина Гуаня. Я вернусь, и бессонница больше не будет меня мучить, они мне не понадобятся. Пожалуйста, поблагодарите его от моего имени.

Дядя Кан не взял футляр и с улыбкой ответил:

— Господин подарил их вам, значит, они ваши.

Нин Цюянь не хотел их принимать. Он и так получил крупную сумму денег. Дядя Кан, заметив его сомнения, добавил:

— Приезжайте на Остров Ду в следующий раз, как договорились, считайте это маленьким подарком. Идите, надеюсь, в этот раз вас не укачает.

Нин Цюянь попрощался с Дядей Каном. На лодке Дядюшка Пин был в той же одежде, что и в прошлый раз. В этот день море было спокойным. В каюте не было того мальчика, который прибыл на остров вместе с Нин Цюянем. Нин Цюянь спросил об этом Дядюшку Пина, но тот не ответил прямо:

— Ты здесь всего на несколько раз, в будущем он больше не будет ездить с тобой.

Лодка разрезала морскую гладь и благополучно прибыла к пристани на материке.

— В следующий раз будь вовремя, — сказал Дядюшка Пин. — Я буду ждать тебя здесь.

— Хорошо, — ответил Нин Цюянь. Сходя на берег, он помахал рукой: — До свидания, Дядюшка Пин!

Дядюшка Пин стоял на палубе, казалось, он был совсем не привыкшим к подобным прощаниям. Лишь спустя долгое время он неуверенно махнул в ответ и быстро скрылся в каюте.

Ступив на твердую землю, Нин Цюянь снова увидел те старые лодки, расписанные граффити. Он прошел через лес, вышел на асфальтированную дорогу, но прождал полчаса — обратного автобуса не было. Тогда он решил идти пешком.

Через двести-триста метров телефон внезапно ожил. Су Цзяньчжоу на том конце провода проговорил:

— Нин-нин, завтра вечером после работы идем есть шашлычки, я буду ждать тебя у бара.

— Хорошо, — ответил Нин Цюянь.

Су Цзяньчжоу что-то сказал кому-то рядом, весело рассмеялся, а затем начал жаловаться:

— Почему твой телефон был недоступен вчера? Что ты делал?

— Я ездил на Остров Ду, там плохая связь.

Су Цзяньчжоу замолчал на секунду, а потом выругал себя:

— Прости, я совсем вылетело из головы.

— Я знаю, — ответил Нин Цюянь, и, к его собственному удивлению, он не разозлился.

Находясь на Острове Ду, он чувствовал себя настолько странно, что желание связаться с Су Цзяньчжоу и пожаловаться на всё вокруг просто исчезло. Он чувствовал, что повзрослел.

Договорившись о встрече, он дождался автобуса, который вынырнул из утреннего тумана. Водитель был другой, салон полон людей, каждый из которых выглядел так, будто не выспался. Нин Цюянь сел у окна, слушая, как маленькая девочка на переднем сиденье капризно требует, чтобы мама поиграла с ней в пальчиковые игры. Пара позади перешептывалась, а спящий рядом мужчина громко храпел.

Нин Цюянь листал пропущенные сообщения и новости. Внезапно пришло осознание, что он вернулся в реальность.

*

В ту ночь Нин Цюяню приснился ужасный сон. Подобные сны случались и раньше, но никогда еще он не просыпался в холодном поту, насквозь промокший. Он судорожно дышал, сжимая одеяло, и, чувствуя стыд, крепко зажмурился, но в памяти раз за разом всплывали обрывки этого безумного видения.

Синее озеро, покачивающаяся лодка. Лунный свет падает на них. Они — неразлучные рыбы, сплетенные в единое целое.

— Не предавать, не убегать, не бояться.

Он плакал, слезы повисли на ресницах, и снова, и снова клялся тому человеку в своей верности. Длинные волосы касались его мочки уха. Дыхание замерло у самой шеи. Тот, кто был позади, низким, чарующим голосом произносил заклинание:

— Отдай себя мне.

Он истово повторял эти слова, боясь, что не сможет доказать свою преданность. Картина сменилась: комната. Гуань Хэн сидит на диване, чашка в его руках пуста. Бледная кожа, черные, как бездна, глаза, губы налились кровью.

— Вставай, — холодно, словно подачку, бросил Гуань Хэн.

Нин Цюянь, вспоминая этот нелепый, абсурдный сон, уткнулся лицом в подушку. Сердце колотилось так, что отдавалось в ушах, а жар на щеках никак не проходил.

— Отдать себя тебе.

Всего лишь одна поездка на Остров Ду — он, должно быть, окончательно сошел с ума.

<http://bllate.org/book/18663/1799608>